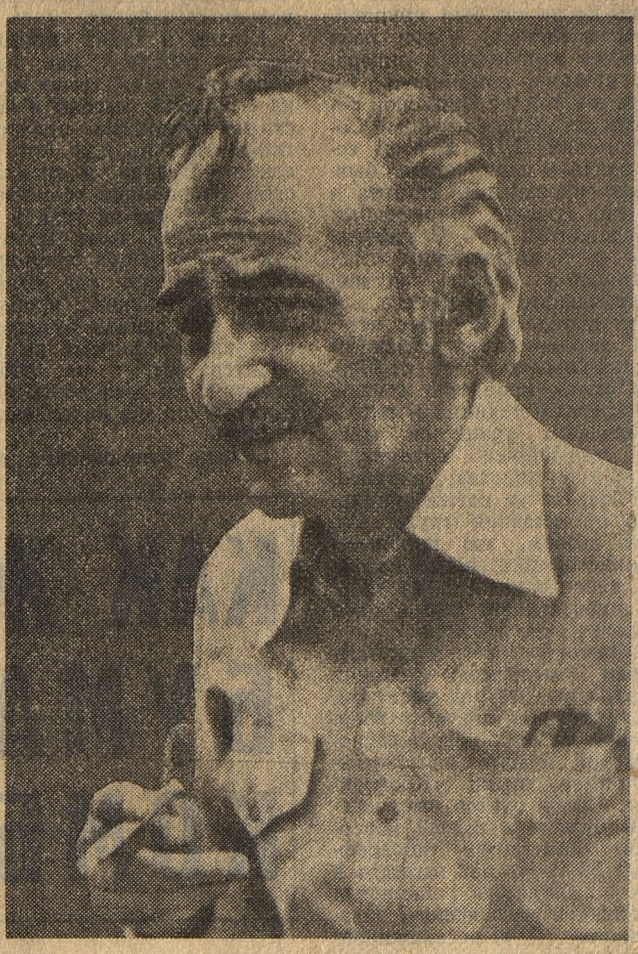
14 АПР 1983

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства



Каждый фильм — поступок

Фархад АГАМАЛИЕВ

Расим Оджагов — первый в мире кинорежиссер-шекинец. Шекинец — это житель Шеки, древнего города на севере Азербайджана. Здесь горы, поросшие густыми ореховыми лесами, воздух голубой и вкусный, а летом так низко над головой висят громадные звезды, что, кажется, к ним можно приставить лестницу. Повышенный патриотизм не единственное, что отличает здешнего уроженца. Шекинец, кроме всего прочего, — это еще существо в высшей степени предприимчивое. Предприимчивость семнадцатилетнего Расима Оджагова выказала себя своеобразно. Получив аттестат зрелости, он решил, что вполне уже созрел для взаимоинтересного знакомства с миром. Очень хотелось повидать Москву. И он объявил дома: еду учиться на «киношника». Конкретно — на кинооператора.

История Оджагова могла бы стать еще одним вгиковским анекдотом, случись у нее другой конец. Парень и слыхом не слыхал даже о существовании обязательного творческого конкурса.

Что могло быть в его снимках, кроме все того же Шеки, его гор, стариков и старух: кроме знакомой с детства крутой каменистой улочки, в конце которой стоит, скрепив корнями землю, исполинская орешина, чью верхушку посеребрил сизый утренний туман... Леонид Васильевич Косматов, а именно он набирал тогда операторскую мастерскую, посмотрел на парня внимательными глазами... и допустил к следующему экзамену. Потом Оджагова приняли, а он люто затосковал по родине, долго ходил на вокзал провожать бакинские поезда; он считал ВГИК крупной своей неудачей...

Оператором он стал превосходным. Расим Оджагов снял на «Азербайджанфильме» много лент, и среди них такие заметные, как «Ее большое сердце», «Почему ты молчишь?», «В этом южном городе». Снятые им картины отличает активно действующий фон, на котором разворачивается основная коллизия: его операторской манере свойственно внимание к второстепенной, казалось бы, детали, способной придать действию метафорическую емкость и глубину. Он любил динамичное движение камеры, добиваясь от кадра той жизненной «непричесанности», что и есть ее порядок. Зритель так и воспринимал кадр, как невзначай подсмотренный «кусок жизни». И только профессионалы понимали, чего стоит оператору эта «вещественность», ведь высокий класс — это именно тогда, когда его не видно

А Оджагов уже мечтал о режиссуре. Теперь в его желаниях не было и грана случайного. Был мучительный диалог с собой: нужен ли ты режиссуре? Убежден ли, что есть тебе что сказать и чем взволновать? И тут на подмостках его судьбы вновь появляется случай.

На студии «горела» производственная единица. В переводе на нормальный язык это означало, что режиссер, начавший снимать фильм, блистательно провалил его с первых же сцен и от творческого процесса был скоропостижно и необратимо отлучен. Единица «горела» столь ослепительно синим пламенем, что тушить ее отказались даже самые «простойные» режиссеры. Тут-то и вспомнили про Оджагова (пусть простится мне невольный каламбур: Оджагов по-русски звучит «пламенный»). Стала ли явлением его первая режиссерская работа? Будем точны: дебют (фильм назывался «Мститель из Гянджебасара») свидетельствовал о достаточно высоком профессионализме дебютанта, что вовсе не мало, если учесть еще, что картина была постановочно сложной, с буйной приключенческой фабулой. Но Оджагов внутренне тяготел не к открытым страстям и внешней динамике, а к драматургии раздумчивой, с тонко нюансированными состояниями; он хотел снять картину простую по материалу и сложную по содержанию. И он снял такую картину — по сценарию Рустама Ибрагимбекова. «День рождения» — так она называлась.

Творческие взаимоотношения двух этих художников не вдруг возникли. Некогда их свел фильм «В этом южном городе» — Ибрагимбеков был автором сценария, Оджагов, как помним, оператором ленты. Потом «прошли годы», как писали в старых фильмах, в течение коих Ибрагимбеков писал повести, сценарии, пьесы, а Оджагов смотрел в визир кинокамеры. Потом они однажды поговорили обстоятельно, выяснив, что на многое в жизни и в искусстве смотрят одинаково.

Грустной могла бы быть история, рассказанная в фильме «День рождения». Жили некогда в шумном бакинском дворике и дружили несколько мальчишек. Выросли, окончили институты, приобрели личные автомобили, прекрасные квартиры — все, кроме Алика, который высшего образования не получил, стал рабочим и со старого двора не съехал. Но он уверен: годы ничего не изменили в их дружбе, просто дела у всех, уйма забот — оттого и не видятся подолгу. Он устроил роскошный день рождения своему сыну. А сам заснул после первой же рюмки, измочаленный приготовлениями к застолью. Друзья выпили, закусили и разошлись. Не весело, правда? Но Алик ночью вышел на балкон, и его окликнул незнакомый человек, провинциал (шекинец, естественно), заблудившийся и чувствующий себя совершенно одиноким в огромном городе. И тут начался настоящий день рождения — рождения общности и дружбы между двумя людьми. Удивительно тонкая была лента, всем пафосом своим направленная против равнодушия и нравственной глухоты, разъединяющих людей.

От Оджагова после «Дня рождения» ожидали чего-то такого же «настроенческого». Но в произведении искусства всегда есть тайна, она не тиражируется: тайна — продукт штучный. «Такое же» нельзя повторить. Да и волновали теперь режиссера иные проблемы. Следующим фильмом Р. Ибрагимбекова и Р. Оджагова стал «Допрос».

Об этом фильме много написано и вряд ли есть смысл повторять известное. Но хочется сейчас привести цитату из статьи самого Расима Оджагова, опубликованной в «Советской культуре» около двух лет назад. Он писал: «В искусстве надобна страсть. Искусство — это белая нитка, пропущенная сквозь сердце художника и ставшая алой. Да, необходимо глубоко исследовать жизнь и ее проблемы, очень много знать о реальных людях, чтобы из суммы знаний, как скульптор из глины, лепить образ. Но надо еще и очень любить своего героя».

Вот этой художнической и гражданской страстью и любовью отмечен фильм «Допрос». И эта авторская любовь к своему герою, следователю Сейфи, передается нам. Нам становится дорог его нравственный максимализм; мы уже не просто следим за его борьбой во имя истины и спасения своего подло обманутого «друзьями» подследственного, этого во всем изверившегося Мурада, — мы остро сопереживаем Сейфи, потому что экран перестает быть куском материи, он становится окном в жизнь — в нашу с вами жизнь... «Допрос» впервые в истории азербайджанского экрана завоевал Главный приз XIII Всесоюзного кинофестиваля. А год назад создатели картины были удостоены Государственной премии СССР.

Я спросил Расима Оджагова однажды: не грустно ли, что только через двадцать пять лет работы в кино пришло подлинное признание?

— Было бы куда грустнее, если бы оно вообще не пришло, — улыбнулся Оджагов. — А если серьезно... Признание — это ведь не только призы и премии. Я был оператором фильмов, на которых люди радовались и страдали — и это было признанием. Когда я перешел в режиссуру, почта моя увеличилась десятикратно, после «Допроса» приходили даже анонимные письма агрессивного содержания, прямо как герою картины Сейфи — великолепное, я считаю, признание! И так ли уж много в искусстве двадцать пять лет? Ведь сколько существует режиссеров, которые, проработав в кино всю жизнь, так и не нашли своего драматурга-единомышленника...

Расим Оджагов говорил о Рустаме Ибрагимбекове. В этих словах не было каких-то особых откровений. Он сказал: «Знаешь, мне как-то неуютно, когда Рустама нет в Баку...» — и эта буднично произнесенная фраза вдруг высветила суть их взаимоотношений, где деловой союз драматурга и режиссера давно перерос в надежную мужскую дружбу. Они оба хорошо знают, что истинная ее цена определяется, конечно, не пышностью застольных речений. Не потому ли так сильно и так порой печально звучит в их творчестве тема дружбы — настоящей и мнимой, стойкой в испытаниях и в тех же испытаниях прискорбно немощной.

Мы помним ситуацию их фильма «Перед закрытой дверью». Густонаселенный бакинский дворик, где никому нет дела до того, что за одной из дверей каждый день бьют женщину. Она кричит — соседи плотнее притворяют ставни, она молит о помощи — громче заводят Штрауса... И так до тех пор, пока главный герой Мурад (так, кстати, звали и подследственного из «Допроса», и это, конечно, совсем не случайность) не положит конец этой трусливо-равнодушной «политике невмешательства». Тема дружбы — увы, обманутой — проходит важнейшим обертоном и в этой картине. И тем сильнее наша благодарность Мураду, с его готовностью на человеческую солидарность и высокий поступок, который, верит Расим Оджагов, способен пробудить в людях лучшее.

● *Народный артист Азербайджанской ССР Расим Оджагов на съемке.*